

ВАДИМ МЕЖУЕВ

ОТВЕТ МОИМ ОППОНЕНТАМ

Свой ответ на замечания моих уважаемых оппонентов я хочу предварить некоторым общим рассуждением. Я никогда не считал себя марксоведом — человеком, посвятившим свою жизнь изучению творчества Маркса, стремящимся дословно воспроизвести его взгляды по всем интересовавшим его вопросам. Не знаю, могу ли я причислять себя и к советским или постсоветским марксистам, т. е. к тем, кто пытается следовать идеям Маркса, как они их понимают или хотят продолжить в новых условиях. Многие из них, на мой взгляд, оказались весьма далеки от Маркса, от духа и смысла его учения. Вообще, писать о Марксе — еще не значит быть марксистом. С другой стороны, к западному марксизму причисляют и тех, кто, подобно, например, представителям Франкфуртской школы социальных исследований или некоторым постмодернистам, никогда не позиционировал себя как марксистов. Западный марксизм сегодня — это широкое направление социально-исторической мысли, связанное с критикой капиталистических (и шире — товарно-денежных) отношений, с попыткой найти им альтернативу не в прошлой, а в будущей истории. Среди мыслителей прошлого Маркс оказался наиболее подходящим именем для обозначения именно этого направления, которое не обязательно во всем следует Марксу, но едино с ним в своем неприятии многих ценностей и институтов буржуазного общества. Смысл предложенной Марксом альтернативы, как она видится в перспективе нашего времени, и интересовал меня в первую очередь. Если капитализму как способу производства и общения ничего не противопоставит в будущей истории, то о Марксе можно забыть. Но если капитализм, как и все предшествующие ему общественные состояния, достоин исторической критики, то разработанный Марксом метод этой критики сохраняет свое значение и для нашего времени, хотя не со всеми выводами из этой критики, сделанными самим Марксом, можно сегодня согласиться.

Во всяком случае, оставаться «верным марксистом», во всем следующим букве учения Маркса, без учета того, что произошло после него в теории и на практике, вряд ли возможно. Если дословное воспроизведение высказываний Маркса еще как-то оправдано в работах марксоведов, стремящихся к аутентичному изложению его учения, то оно еще

ничего не объясняет в судьбе современного марксизма. Что-то из наследия Маркса в нем вышло на первый план, стало более отчетливым, очевидным или иначе формулируемым, а что-то за давностью лет вообще утратило свое значение. Мое прочтение Маркса также, видимо, несвободно от определенной интерпретации его учения, но в огромной литературе о Марксе я не знаю исключения из этого правила. Так, например, неокантианство является не простым пересказом Канта, а определенным истолкованием его метода, распространенным на новые проблемы и сюжеты. Маркс, например, ни в коей мере не претендовал на роль теоретика культуры и вряд ли видел в культуре особый объект для своего теоретизирования, но кто мешает нам сегодня усмотреть в его теории метод объяснения не только экономической и политической истории, но и истории культуры? И не позволит ли такое расширение предмета его теории добавить что-то новое в ее понимание?

Иное дело, что XX век знает и такие разновидности «марксизма», которые полностью разошлись не только с буквой, но и духом учения Маркса. Когда якобы с марксистских позиций оправдывают попрание человеческих прав и свобод, всевластие государства, террор и насилие, когда именем Маркса освящают тоталитарные режимы и разные проявления «казарменного коммунизма», тогда столь очевидная фальсификация его теории невольно заставляет встать на ее защиту, вызывает желание отстоять заключенный в ней огромный гуманистический потенциал.

Я не настаиваю на том, что все сформулированные мной тезисы буквально принадлежат Марксу, могут быть подтверждены прямыми ссылками на его тексты (хотя большинство этих тезисов, как я думаю, не противоречит сказанному им), но предполагаю, что все они соответствуют общему духу его учения, могут быть вписаны в логику развития марксистской мысли. С учетом этого попытаюсь ответить теперь на замечания, во-первых, Андрея Майданского — наиболее придирчивого моего критика по части соответствия сказанного мной тому, что говорил сам Маркс, и, во-вторых, финского коллеги Весе Ойттинена, опубликовавшего в «Вопросах философии» вполне благожелательную рецензию на мою книгу «Маркс против марксизма»¹.

Свои замечания А. Майданский изложил в десяти пунктах. Первый из них касается некорректности по отношению к Марксу противопоставления («оппозиции», в моей терминологии) практики и отчуждения, истории и общества. Согласно Майданскому, отчуждение не отрицает практику, а представляет собой ее превращенную (самоотчужденную) форму существования, равно как история (во всяком случае человеческая) есть история общества и ничем другим быть не может. «Общество, — как пишет Майданский, — это не плотина на пути истории, а сама вода».

¹ Вопросы философии. 2009. № 3. С. 176–179.

В достаточно длительной исторической перспективе, включая и далекое будущее (т.е. в чисто умозрительном плане), это действительно так. Но ведь Маркс имел дело с реальной историей, происшедшей на его глазах. Оппозиция истории и общества, как и зафиксированные самим Марксом противоречия между производительными силами и производственными отношениями, трудом и капиталом, абстрактным и всеобщим трудом, рабочим и свободным временем, имеет для него не абсолютный, а относительный характер, оправдана по отношению лишь к тем формам производства и общения, которые служат ему предметом анализа. Кто же будет спорить с тем, что любое общество является продуктом исторического развития, вне истории не существует, но очевидно и то, что каждое из них стремилось быть в истории последним, пыталось остановить историю на себе, как бы увековечить себя? Для этого использовались все средства — от политических до идеологических. Любая социальная система, и особенно буржуазная — наиболее всеобщая, стремится, подобно гегелевской системе, стать абсолютной, завершить собой историю, остановить ее. Антиисторизм буржуазной общественной системы, мыслящей себя как естественный и вечный закон жизни, дает о себе знать и в идее «конца истории», и в дифференциации социологического и исторического знания, и в торжестве позитивизма, и в концепции «нищеты историцизма», т.е. во всех попытках идеологов этой системы мыслить действительность вне истории. Как писал Маркс об экономистах, для них «раньше была история, а теперь ее более нет». Скажут, так думали экономисты, но не сам Маркс. Но и для Маркса фетишизация (увековечивание) товарных отношений, т.е. их вывод за рамки истории, есть не просто заблуждение ума, но неотъемлемое (объективное) свойство самой системы. Будучи включенным в эту систему, индивид оказывается выключенным из реального исторического процесса. История происходит как бы помимо него, является историей вещей, идей, институтов, чего угодно, но только не самих людей. Разумеется, капиталистическая система — наиболее динамичная из всех известных нам социальных систем, но и она имеет свои пределы, отнюдь не совпадающие с историей в целом. И пока еще не родилась такая социальная система, которая без внешнего принуждения и насилия была бы способна к постоянно-му самоизменению, вплоть до самоотрицания.

Сходным образом обстоит дело и с отчуждением. Ну кто же спорит с тем, что отчуждение труда есть особый вид практики? Но ведь оно не является практикой в том смысле этого слова, в каком под ней понимается процесс производства человеком себя во всей целостности своего общественного существования. Отчуждение — не просто особый, но именно отчужденный, превращенный вид практики, скрывающий, маскирующий, а то и искажающий ее подлинное содержание. Майданский с его знанием Спинозы должен понимать, что любая историческая оппозиция есть оппозиция не между разными субстанциями, а внутри

одной, между ее разными формами проявления. Если практика — это субстанция истории, то отчуждение — ее неадекватное, противоречащее ей, сковывающее ее и потому подлежащее устранению проявление. Частное также существует только в обществе, но мы почему-то противопоставляем его общественному. В равной мере и капитал есть овеществленная форма труда, но он одновременно находится в оппозиции к живому, непосредственному труду.

Следующее замечание основано на чистом недоразумении. Майданский полагает, что в основе человеческой истории в отличие от истории природы лежит не человеческая субъективность, а труд. Сам термин «субъект» представляется ему уступкой идеализму. Но разве ему неизвестно, что главным недостатком старого созерцательного материализма Маркс считал то, что «предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в *форме созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно*»? Исходить в понимании истории из труда — это и значит полагать человека в качестве субъекта, т. е. творца,демиурга истории. А труд даже в своих простейших определениях включает в себя цель, которая, «как закон», направляет весь процесс труда. Даже на ранних ступенях истории люди руководствовались в своем труде не инстинктом, а заранее поставленной целью. Причем тут идеализм и что здесь противоречит Марксу?

Согласно третьему замечанию, все ученые (например, Дарвин и Коперник) являются историками, и Маркс в этом отношении не является исключением. Но в отличие от других историков он был еще экономистом, в чем я ему якобы отказываю. Маркс, как я понимаю, был экономистом в том же смысле, в каком Дарвин и Коперник были историками. Его, несомненно, интересовала в первую очередь экономическая история, но это не дает еще основания причислять его к экономистам классического или современного образца. Отнюдь не только в экономике видел он содержание исторического процесса. В качестве еще одного примера историка, пишущего на экономические темы, могу назвать Фернана Броделя, которого почему-то никто не называет экономистом. Я никогда не отрывал историю от экономики и других областей общественной, политической и духовной жизни, но и никогда не отождествлял историческую теорию Маркса исключительно лишь с экономической, социологической, правовой или политической теорией (хотя многие понятия и категории всех этих теорий в ней присутствуют). Если материалистическое понимание истории — чисто экономическая теория, почему она не числится по ведомству только этой науки? В том-то и дело, что хотя Маркс и писал преимущественно об экономике (в этом смысле его сочинения действительно можно назвать экономическими), но мыслил не просто как экономист, а как историк. Его интересовала экономика не сама по себе, а как та сторона историческо-

го процесса, которая на современном ему этапе стала определяющей. «Капитал» — экономическое сочинение в том же смысле, в каком «Критика чистого разума» — сочинение математическое и физическое.

Дальше в том же порядке, что и у Майданского.

4. Никогда не отрицал значения природного фактора в человеческой истории. Единство человека с природой, другими людьми и самим собой, достигаемое в ходе исторического развития, я и называю культурой. Об этом моя первая книга «Культура и история» (М., 1977). Не хочу оспаривать сказанное по этому поводу Майданским (здесь я с ним полностью согласен), но не могу понять в данном случае, в чем состоит смысл его замечания в мой адрес.

5. О различии между «материальным производством» и «экономикой». Я действительно понимаю под материальным производством производство полезных для человека вещей (потребительных стоимостей), а под экономикой — производство товаров (меновых стоимостей). Экономическим является любое производство (не только материальное, но и духовное), создающее товары. Никогда я не отрицал существования добуржуазных форм экономики, в чем совершенно бездоказательно обвиняет меня мой критик. Даже на Древнем Востоке и в первобытных коллективах была своя экономика, но в той мере, в какой здесь осуществлялся обмен продуктами труда. Иное дело, что на ранних этапах истории не экономика (т. е. обмен) служила основой, базисом социальных связей и отношений. Майданский считает, что для Маркса любой вид хозяйственной деятельности, материального труда является экономическим (даже труд домашней хозяйки или выращивание огурцов для собственного потребления). Я не знаю экономической науки, которая интересовалась бы процессом изготовления, или производства, полезных вещей (это, скорее, предмет технологического знания), но она, несомненно, имеет своим предметом производство вещей как товаров, предназначенных для обмена на другие вещи или деньги. Человек, занимающийся огородничеством или садоводством, охотой или рыболовством для собственного удовольствия или пользы, не занимается экономической деятельностью. Равно и поэт: пока он руководствуется в своем творчестве вдохновением, он — вне экономики. Но стоит ему вынести плоды своего вдохновения на продажу, как он тут же оказывается вовлеченным в систему экономических отношений. Нерыночная (или безрыночная) экономика, экономика без отношений обмена — нонсенс. Цитаты цитатами, но есть еще и элементарная логика. В конце концов, любой труд — инженера, врача, учителя, ученого — можно объявить экономическим, но так мы дойдем до полной экономической бессмыслицы.

6. Слова «формация», «экономическая форма», «форма производства» Маркс действительно часто употреблял во множественном чис-

ле. Но вместе с тем он отчетливо различал во всей предшествующей истории два основных периода. Первый из них строится на базе непосредственно личных, или архаических, отношений (в конспектах письма к Вере Засулич он назвал его «первичной, или архаической, общественной формацией», отнеся сюда первобытность и все цивилизации Древнего Востока), а второй — на базе вещных (товарных, или экономических) отношений. Весь этот период, он обозначил как «вторичную формацию», которую в отличие от первой можно назвать и общественно-экономической (в силу определяющей здесь роли экономических отношений). Разумеется, рабский, крепостной и наемный труд — экономически особые формы, способы производства, но все они, как писал Маркс, суть «прогрессивные эпохи экономической общественной формации». Выражение «экономическая общественная формация» употреблено здесь в единственном числе, что означает, что она охватывает собой все эти формы. Подобное членение исторического процесса — не на пять экономических формаций, а на две, из которых только вторая является экономической в указанном выше смысле, — проходит через все периоды творчества Маркса, и я не вижу причины отказываться от него. Данное членение многое объясняет в понимании Марксом общей логики исторического движения, что я и попытался сделать в своей статье.

7. С поправкой «по ту сторону экономической необходимости» на «по ту сторону собственно материального производства» согласен, но не понимаю, что это меняет по существу дела. Если царство свободы — тоже «экономика» (и даже экономическая необходимость), то пусть мне объяснят, как она возможна «по ту сторону собственно материального производства». Вывод один: Майданский любую деятельность склонен приравнивать к экономической.

8. Материалистическое понимание истории для Майданского — это тезис об определяющей роли экономики в общественном развитии на всех без исключения этапах истории, т. е. трактовка всей истории в духе экономического детерминизма. Это и есть главное обвинение в адрес Маркса со стороны его многочисленных критиков. Но абсолютизация экономики в качестве базиса общества — идея не Маркса, а тех экономистов-неолибералов (типа Е. Гайдара), которые, отвергая Маркса, довели эту идею до абсурда. Исторический материализм Маркса состоит в признании определяющей роли в истории не товарного производства (оно же экономическое), а человеческой деятельности, направленной на создание общественных отношений индивида и, следовательно, его самого как общественного существа. Только такая деятельность (а не просто труд сам по себе) создает историю. Она и должна стать базисом будущего общества. Маркс называл ее не экономической, а практической деятельностью (и свой материализм — не экономическим, а практическим), а время ее осуществления — свободным временем.

9 и 10. Что человек создает себя, производя вещи и идеи, — бесспорная истина, но часто отношения в форме вещей или идей оказываются важнее человека, обретают власть над ним. Для Маркса равным образом неприемлем ни вещный (товарный), ни идейный (идеологический) фетишизм. Проблема, решаемая Марксом, и состоит в том, чтобы сделать производство отношений не производством вещей или идей самих по себе, а производством самого человека, когда посредником между людьми будут выступать не вещи и даже не идеи, а сами люди. Кто любит свою жену посредством «вещей или идей» — это его дело, но отношения между людьми (не только любовные), если они подлинно человеческие, строятся на основе их непосредственных контактов и личных связей, на основе прямого обмена деятельностью и ее плодами. Речь идет не о мире, в котором нет вещей (предметов) и идей (мыслей), а о мире, в котором вещи и идеи служат человеку, а не он им. Талант должен обмениваться на талант, мысль на мысль, чувство на чувство, а не на что-то другое, заменяющее их. «Всеобщим эквивалентом» в отношениях между людьми может быть только сам человек.

И последнее. У Маркса речь идет все же не о «превращении рабочего времени в свободное», как утверждает Майданский, а о замене рабочего времени, сводимого к «минимуму», свободным в качестве базиса общества. Про «качественное освобождение (?) рабочего времени» я у Маркса ничего не нашел.

Во всем остальном я благодарен Андрею Майданскому не только за высказанные им замечания, на которые он, как и любой другой, имеет полное право, но и за то, что он способен, как немногие, внимательно отнестись к предложенному ему тексту, разобраться в замысле его автора, понять его логику и систему аргументации. Короче, он понимает, что читает, что по нашим временам редкость. О таких оппонентах можно только мечтать.

Замечания Весы Ойттинена касаются в основном понимания мною общественной формации в трактовке Маркса. По его мнению, предложенная Марксом периодизация истории не сводится к двум формациям, носит более сложный и дробный характер, хотя терминологически эти периоды не получили у самого Маркса четкого и завершеного обозначения.

С этим я спорить не буду, но отмечу, что Марксово деление истории на первичную и вторичную (она же экономическая) общественные формации в конспектах его письма к Вере Засулич соответствует, на мой взгляд, пониманию им главного рубежа в предшествующей истории, отделяющего эпоху (или ступень, по другой терминологии) непосредственно личных общественных отношений от эпохи вещных (товарно-денежных) отношений в качестве базиса общества. Следующим таким рубежом станет, согласно Марксу, переход от общественно-экономической формации к «подлинной истории», базирующейся

на свободном развитии человеческой индивидуальности. Подобная — самая общая, конечно — периодизация исторического процесса позволяет Марксу представить этот процесс в его наиболее целостном виде, в единстве прошлого, настоящего и будущего.

Мой финский оппонент считает также, что я неправоммерно сближаю экономическую теорию капитализма Маркса с теорией модернити в работах Макса Вебера, Дюркгейма, Тённиса и других более современных мыслителей. Я отнюдь не отождествляю эти теории, но думаю, что определенную аналогию между ними все же можно провести. В конце концов, генезис капитализма, интересующий Маркса, определил собой главное содержание эпохи модернити, стал для нее экономической опорой. Впрочем, проблема соотношения понятия модернити с Марксовыми понятиями капитализма и коммунизма, как и советует Ойттинен, заслуживает дальнейшей дискуссии.

И, наконец, столь же дискуссионной является для меня трактовка Ойттиненом экономики как сферы не только экономической необходимости, но и свободы. Под свободной экономикой обычно понимают рыночную экономику. За пределами рыночных отношений речь, по моему разумению, может идти не о свободной экономике, а о свободе индивида от экономики, т. е. от труда, диктуемого внешней целесообразностью. Этим не исключается наличие экономической необходимости в будущем обществе (в качестве его естественной предпосылки), но она перестает здесь служить его базисом, конституирующим всю систему общественных отношений.

Тем не менее замечания моего финского коллеги действительно затрагивают важные и дискуссионные вопросы. В свою очередь мне хотелось бы поблагодарить его не только за проявленный им интерес к моей статье и высказанные в мой адрес благожелательные оценки, но и за указанные им спорные моменты в моей позиции, нуждающиеся в дальнейшем обдумывании и дополнительной аргументации.